

За недазволены гандаль сяляне караліся штрафам ад 50 да 300 рм ці арыштам да 14 дзён [15, л. 15].

Асобную цікавасць выклікаюць дакументы Гродзенскага архіва, якія сведчаць пра падрыхтоўку нацыстаў на тэрыторыі акругі да рэалізацыі планаў анямечвання і каланізацыі. Інфармуюць пра гэтыя дакументы фонду 1. Напрыклад, у справе 536 змешчана распараджэнне гродзенскага крайкамісара аб аграрнай палітыцы на падуладнай яму акупаванай тэрыторыі, у якой ён гаворыць пра тое, што акруга “Беласток” будзе каланізавана немцамі [5, л. 1]. А ў справе 531 ёсць яшчэ адно распараджэнне крайкамісара, у якім ён таксама апавяшчае аб чакамай неадкладнай каланізацыі і аб неабходнасці аддаць пад будучыя нямецкія маёнткі найлепшыя па якасці сялянскія землі [16, л. 1]. Справа 536 фонду 1 захоўвае таксама дадзеныя аб колькасці працуючых на тэрыторыі Гродзенскага крайкамісарыята дзяржаўных маёнткаў. Згодна з ім, на 1943 г. тут існавала 11 655 маёнткаў памерамі ад 5 да 10 га, 4 144 памерамі ад 11 да 25 га, 362 маёнткі памерамі ад 26 да 50 га, 51 маёнткаў ад 51 да 125 га, а таксама 38 маёнткаў памерам вышэй за 125 га [5, л. 56–59]. У маёнтках камісарыята працавалі пастаянныя работнікі, якія атрымлівалі грашовае ўзнагароджанне. Напрыклад, у амтскамісарыяце Масты ў дзяржаўных маёнтках жанчыны-працаўніцы атрымлівалі за 1 гадзіну працы 0,15 нямецкіх пфенінгаў, мужчыны – ад 0,23 да 0,36 пфенінгаў [17, л. 11]. У жніўні 1943 г. у дзяржаўных маёнтках акругі не хапала працаўнікоў для ўборкі ўраджаю зерневых. Таму кіраўніцтвам маёнткаў было вырашана прапанаваць працаваць у іх па нядзелях сялянам з суседніх вёсак за некаторыя прадукты ці грошы [5, л. 91]. Гэтыя дадзеныя таксама сведчаць пра тое, што тэрыторыю акругі нацысты актыўна рыхтавалі да каланізацыі. У гэтым самым шэрагу мы лавінны казаць пра дакументы справы 8 фонду 116, якія паведамляюць даследчыкам пра высяленне мясцовых сялян Гродзенскага крайкамісарыята на іншыя тэрыторыі з мэтай падрыхтоўкі вызваленых зямель да засялення нямецкімі каланістамі [18, л. 1–13в.]. 28 студзеня 1943 г. гродзенскі крайкамісар паведамляў Э. Коху пра цяжкасці, з якімі сутыкнуліся нацысцкія ўлады пры правядзенні перасяленчых акцый: кепская арганізацыя, недахоп транспартных сродкаў, неабходнасць продажу пакінутага сялянам гаспадарчага інвентару і г.д. [5, л. 38–40].

Такім чынам, праведзеныя намі крыніцазнаўчы аналіз нацысцкіх дакументаў акупацыйных фондаў Гродзенскага дзяржаўнага архіва паказвае бясспрэчную навуковую каштоўнасць дадзенага дакументальнага збору, а таксама сведчыць пра важнасць яго аналізу і неабходнасць выкарыстання ў даследаванні тэмы эканамічнай палітыкі нацыстаў на заходнебеларускай тэрыторыі акругі “Беласток”.

1. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Ф. 1. Гродзенскі крайкамісарыят. Воп. 1.
2. ДАГВ. – Ф. 117. Мастоўскі амтскамісарыят Ваўкавыскага крайкамісарыята Беларускай акругі. Воп. 1.
3. ДАГВ. – Ф. 116. Скідзельскі амтскамісарыят Гродзенскага крайкамісарыята Беларускай акругі. Воп. 1.
4. ДАГВ. – Ф. 1. Гродзенскі крайкамісарыят. Воп. 1. Спр. 280.
5. ДАГВ. – Ф. 1. Гродзенскі крайкамісарыят. Воп. 1. Спр. 536.
6. ДАГВ. – Ф. 1. Гродзенскі крайкамісарыят. Воп. 1. Спр. 64а.
7. ДАГВ. – Ф. 1. Гродзенскі камісарыят. Воп. 1. Спр. 64.
8. ДАГВ. – Ф. 116. Мастоўскі амтскамісарыят Гродзенскага крайкамісарыята Беларускай акругі. Воп. 1. Спр. 14.
9. ДАГВ. – Ф. 1. Гродзенскі крайкамісарыят. Воп. 1. Спр. 15.
10. ДАГВ. – Ф. 116. Мастоўскі амтскамісарыят Гродзенскага крайкамісарыята Беларускай акругі. Воп. 1. Спр. 2.
11. ДАГВ. – Ф. 1. Гродзенскі крайкамісарыят. Воп. 1. Спр. 534.
12. ДАГВ. – Ф. 1. Гродзенскі крайкамісарыят. Воп. 1. Спр. 530.
13. ДАГВ. – Ф. 1. Гродзенскі крайкамісарыят. Воп. 1. Спр. 570.
14. ДАГВ. – Ф. 1. Гродзенскі крайкамісарыят. Воп. 1. Спр. 337.
15. ДАГВ. – Ф. 1. Гродзенскі крайкамісарыят. Воп. 1. Спр. 341.
16. ДАГВ. – Ф. 1. Гродзенскі крайкамісарыят. Воп. 1. Спр. 531.
17. ДАГВ. – Ф. 117. Скідзельскі амтскамісарыят Гродзенскага крайкамісарыята Беларускай акругі. Воп. 1. Спр. 17.
18. ДАГВ. – Ф. 116. Мастоўскі амтскамісарыят Гродзенскага крайкамісарыята Беларускай акругі. Воп. 1. Спр. 8.

УДК 930.253(476)

**Е.С. РОЗЕНБЛАТ**

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

### **НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ХОЛОКОСТА В БЕЛАРУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ИРИ РАН)**

В разделе «Оккупационный режим немецко-фашистских захватчиков» фонда Комиссии по истории Великой Отечественной войны архива Института Российской истории РАН хранится комплекс источников личного происхождения, до сих пор недостаточно используемый историками.

Еще в декабре 1941 г. по решению московского городского комитета партии была создана комиссия по истории обороны Москвы [1, с. 120]. Затем, уже согласно постановлению Президиума Академии наук СССР от 15 января 1942 г., был создан научный аппарат по изучению истории Отечественной войны под руководством образованной ЦК ВКП(б) Комиссии [1, с. 119]. С лета 1942 г. стали создавать республиканские,

областные и ведомственные комиссии. 2 июня 1942 г. была создана Комиссия по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии [2]. Поскольку основной задачей Комиссии было заявлено «собрание материала, который не откладывается в архивах» [1, с. 123], то главным образом шел сбор источников личного происхождения, прежде всего стенографических записей воспоминаний участников событий.

Особенно ценно для исследователей то, что записи рассказов, как писал советский историк А.А. Курносов [1, с. 118], осуществлялись с минимальным временным разрывом по отношению к описываемым событиям, как говорится, по «горячим следам», в условиях военного времени, когда особенные свойства быта войны, «человеческих взаимоотношений, душевного настроения сохранились как для рассказчика, так и для интервьюера» [1, с. 123].

В конце 1942 г. была разработана «Инструкция о работе комиссий национальных республик и областей по истории Великой Отечественной войны», в которой давались рекомендации по сбору и записи воспоминаний [2].

В инструкциях и рекомендациях отмечалась важность «показать живого человека, его мысли, чувства, переживания...», а также было пожелание «не замазывать трудности и недостатки, не лакировать действительности». Предполагалось «при рассказах добиться возможно более полного и правдивого освещения фактов и событий с уточнением хронологических дат, названий мест; не забывать записать основные данные о каждом рассказчике: краткие данные с указанием даты и места рождения, имени, отчества, домашнего адреса, партийности и работы до войны... Если позволит обстановка, следует записать прочесть рассказчику и подписаться ему. Надо указать кто, когда и где произвел запись» [1, с. 125].

Определялась тематика собираемых элементов и материалов. Для Беларуси основными темами стали партизанское движение и подполье. Был разработан план проведения бесед (интервью), содержавший такие разделы, как «Район накануне Отечественной войны», «Первые дни войны», «Приход фашистов, их зверства, убийства», «Создание партизанских отрядов, их действия», «Советская пропаганда в тылу врага», «Герои» и др. [2, с. 36–37]. Очевидно, эти рекомендации распространялись и на интервью с участниками партизанского движения, и на жертв немецкого геноцида, и том числе и на интервью с евреями – бывшими узниками гетто.

Как отметил А.А. Курносов, в материалах Комиссии постоянно подчеркивалось, что участникам событий «надо дать выговориться», что для науки имеют ценность личные переживания, размышления, наблюдения опрашиваемых, и поэтому они могут рассказать все, что сочтут нужным» [1, с. 131].

Эта особенность источника создает поразительный эффект максимальной достоверности материала, почти невозможной в условиях жесткой цензуры сталинского режима и самоцензуры людей, описывавших внос пребывания на оккупированной территории. Эмоциональность рассказов, детальное описание быта в условиях оккупации (и в партизанских отрядах) делает материалы Комиссии ценнейшим источником по истории Великой Отечественной войны.

Может быть, в силу «излишней откровенности», зачастую не совпадавшей с официальными идеологическими доктринами и трюктовками событий Великой Отечественной войны (а в нашем случае – истории оккупации и партизанского движения в Беларуси), эти материалы и послевоенный период оказались недостаточно востребованы, практически были забыты, хотя к концу войны материалы белорусской Комиссии были использованы для издания пяти сборников документов [2, с. 38]. Только на постсоветском пространстве стали появляться отдельные публикации материалов Комиссии с соответствующей хронографической обработкой и без купюр [3].

Отметим, что среди материалов, рассмотренных автором статьи, есть не только записи отдельных лиц, но и коллективов и даже семей. Выявленные документы можно условно поделить на следующие группы:

- Интервью, затрагивающие конкретный регион, город – Минск, Ирановичи, Слоним, Брест и др. (география).
- Интервью с представителями (руководителями) партийного подполья и партизанского движения. В этих интервью содержится информация об участии евреев в городском подполье (Брест, Минск), партизанском движении.
- Интервью с евреями, выжившими на оккупированной территории (Левины, Левенбук, Янкевич, Гранатштейн).
- Интервью с неевреями, в которых содержится информация о Холокосте, описательная или оценочная, в зависимости от образования и уровня информированности.

Все тексты содержат богатый фактический материал по истории повседневности в период оккупации, карательным акциям нацистов. Во многих интервью подчеркивается «особая» или отличная от общепринятой точка зрения респондента на происшедшее.

Особый интерес представляет своеобразный «семейный комплекс», состоящий из интервью с минчанкой Басей Вениаминовной Левиной (машинописный текст – 20 страниц) и дневника ее сына Геннадия Юрьевича Левина, озаглавленного «Моя жизнь во время войны» (машинописный текст – 14 страниц). Дневник Гены Левина определен

сотрудниками Комиссии как приложение к интервью его матери Б.В. Левиной [5].

Текст стенограммы беседы с Б.В. Левиной – без рукописных вставок с незначительными стилизованными рукописными исправлениями. Авторская подпись под документом отсутствует. Текст дневника правлений, с рукописными смысловыми вставками и пояснениями. Авторство вставок не установлено.

Беседа проводилась в г. Барановичи 8 декабря 1944 г. научным сотрудником Комиссии М.В. Миско и записана О.А. Росляковой.

Тексту стенограммы предшествует краткая автобиография Б.В. Левиной. Данные на сына – Гену Левина – на первой странице дневника отсутствуют.

Б.В. Левина – на 8 декабря 1944 г. – заведующая столовой Барановичского обкома КП(б)Б, 1907 г.р., еврейка, член партии с 1943 г., награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени. Из краткой биографической справки узнаем, что родилась Бася Левина в Полесской области в г. Калинковичи. В 1925 г. окончила школу в м. Паричи и до 1930 г. училась чулочному делу. С 1930 г. – ответственный секретарь народного суда в г. Мозыре. Затем жила в Витебске и работала секретарем на рабфаке (очевидно Витебского пединститута). В 1933 г. поступила в вышеупомянутый пединститут и в 1934 г. перешла на физмат Белорусского государственного университета (г. Минск). С 1935 г. работала в Белкоопсоюзе. С 1936 г. не работала (очевидно, в связи с рождением второго ребенка – сына Романа). Муж – инженер, работал в Наркомздраве. Сын – Геннадий Левин, 1928 г.р., к началу войны – школьник 13 лет. Мать и сын после бегства из Минского гетто стали партизанами Барановичского соединения, а затем находились в группе сотрудников Барановичского подпольного обкома КП(б)Б [5, с. 68–69]. Информация о дальнейшем жизненном пути Б.В. Левиной и Г.Ю. Левина после мая 1945 г. не выявлена. Беседа с Басей Левиной, безусловно, проводилась по рекомендациям «Инструкции о работе комиссий национальных республик и областей по истории Великой Отечественной войны». Тематически стенограмма беседы с Б. Левиной делится на три больших раздела: минское гетто, выход из гетто и жизнь в партизанском отряде. В разделе о гетто можно выделить несколько хронологических блоков:

- Жизнь в гетто с конца августа по 6 ноября 1941 г. (контрибуции, деятельность юденрата, условия жизни).
- Погром и акция уничтожения в гетто 7 ноября 1941 г.
- Жизнь в гетто с ноября 1941 г. по 2 марта 1942 г. (поиски спасения, устройство младшего сына в русский детский дом, связь с подпольем и помощь партизанам, грабежи и убийства в гетто).

- Погром и акция уничтожения в гетто 2 марта 1942 г.

После приобретения поддельного «русского» паспорта началась жизнь за пределами гетто (март 1942 г. – 2 мая 1942 г.). Со 2 мая 1942 г. по 21 декабря 1942 г. Бася Левина вместе с сыном Геней искала пристанища в сельской местности и пыталась установить связь с партизанами.

Партизанский период жизни Б. Левиной представлен в двух частях:

- Пребывание в отряде имени В. Чкалова (22 декабря 1942 г. – 18 апреля 1943 г.).
- Пребывание в отряде имени Кутузова при Барановичском облцентре КП(б)Б (18 апреля 1943 г. – июль 1944 г.).

Рассказывая о гетто, Бася Левина предстает в интервью прежде всего как мать, любой ценой пытавшаяся спасти своих детей. Оставшись без мужа, с племянницей 17 лет и двумя детьми, она готова «погибнуть с племянницей, а детей во что бы то ни стало спасти». Она спасает только старшего. Младший остается в русском детском доме. О нем она больше не рассказывает (вероятнее всего, к декабрю 1944 г. она не успела его разыскать).

В рассказе Баси Левиной мы видим не только описание событий, сделанное человеком наблюдательным, образованным, но и элементы анализа, оценки происходившего, точные психологические зарисовки поведения евреев в гетто. Так, рассказывая о гетто, она описывает поведение толпы, ее стадность. Вот рассказ о самом начале оккупации: «2 июля был издан немецкий приказ о том, чтобы все мужчины явились в немецкую комендатуру. И все, как овцы, пошли»; вот описание погрома 7 ноября: «Люди шли молча, друг друга подталкивали, помогали садиться в машину. Какое-то тупое безумие»; «Когда подходит пустая машина, каждый старается из первых рядов протолкнуться назад, один другого давит, душит. Общее немое безумие»; погром 2 марта 1942 г.: «Вдруг нам на встречу идет толпа рабочих, тоже евреев. Мы решили, что нас ведут на расстрел, как нерабочую силу, а рабочие пока будут жить или вообще жить. Иногда бывает, что одна мысль пробежит током по всей толпе». Или: «Их погрузили, как скот, как нечто неживое, в вагоны и повезли под самое Койданово».

Как представлена еврейская и вообще национальная тема в «семейном комплексе» Левиных? В дневнике подростка всего два раза использовано слово «еврей». Первый раз он пишет о пребывании отца в лагере Дрозды: «...всех русских мужчин отпустили домой, а евреев держали...». Второе упоминание, когда мальчик цитирует немецкое объявление о желтых латах. И все. Больше в тексте слово «еврей» не используется. Гена, описывая события в гетто, вместо слова «еврей» пишет: «нас всех согнали в гетто», «берут всех без разбора», «мы все

понимаем, что день смерти настал», «все мы сидим и ожидаем своей гибели», «нас всех околотило», «мы все, скрежеща зубами, вышли во двор», «людей всех уже вывезли», «много человек не досчитались мы» и т.д. В «партизанской» части дневника еврейской темы вообще нет (кроме упоминания о 2 марта – второй годовщине спасения от погрома и расстрела двоюродной сестры Любы и клятвы при вступлении в комсомол мстить за отца, брата и сестру, но и за нашу Советскую Родину). О погроме 2 марта 1942 г. мальчик написал фразу, которая объясняет, почему он в «партизанском» своем дневнике выделил именно 2 марта: «Мне второй раз посчастливилось жить». В рассказе о жизни в Минском гетто, есть «мы» (т.е. евреи), есть гетто (где смерть) и как противопоставление – «русский район», где можно спастись, куда все стремятся. Полицаи – «немецкие холуи». Гена выделяет среди полицаев только «украинцев» и солдат РОА в рассказе о погроме 7 ноября 1941 г. РОА, конечно, тогда еще не было, а представление об украинцах-полицаях скорее всего появляется у подростка позднее, когда партизаны сталкивались с украинскими полицейскими подразделениями, казаками (власовцами). Либо это память об украинцах – участниках мартовского погрома 1942 г. в Минском гетто. Немцы выступают в тексте как некая абстрактная, темная сила. В партизанской части дневника Гена упоминает поляков («польских легионеров», т.е. аковцев) и белорусов, поскольку набирал листовки-обращения к ним.

Почему в дневнике Г. Левина отсутствует «еврейский вопрос», тема межнациональных взаимоотношений в партизанском отряде? Думается, что это не только результат советского интернационального воспитания, но и страх, оставшийся в мальчике после ужасов гетто и жизни в деревне (после выхода из гетто), «когда нельзя было даже говорить слово “еврей”». В какой-то степени этому могли способствовать и наставления матери, Баси Левиной. Она-то как раз высказывалась на эту тему в интервью: «Много было политических погрешностей. Многие вопросы они (партизаны) не понимали, в частности национальный вопрос. У них было неправильное понимание еврейского вопроса. Национальный вопрос у партизан решался не по-коммунистически. Еврейскому парню или девушке всегда надо держать ухо остро. Всегда находились такие, которые говорили: “Вот мы вас спасаем или вы пришли спасать свою шкуру”. Но было не до того, чтобы вести национальную политику. Нельзя было углублять этот вопрос».

«Семейный комплекс» из интервью Б. Левиной и дневника ее сына Г. Левина представляет собой уникальное свидетельство военного времени, которое благодаря комплексности позволяет верифицировать описанные события [4]. Важно и то, что «семейный комплекс» Левиных

охватывает весь период войны и оккупации, позволяет увидеть трагедию Минского гетто и будни партизанского движения глазами рядовых участников событий.

«Барановичский комплекс» представлен наибольшим количеством интервью. Поскольку комиссия работала в основном в Барановичах и Слониме, то главное внимание было уделено респондентам, оказавшимся в Барановичах на момент освобождения, или жителям других населенных пунктов, например минчанам, участникам партизанского движения и подполья на территории области [5].

Среди интервью (г. Барановичи) представлены беседы с представителями самых разных социальных групп и профессий:

1. Интервью инженера-строителя Евтифия Ивановича Щербакова (восточник, приехал в Барановичи накануне войны (1940 г.)). Интервью представляет собой 6 страниц машинописного текста, заверенного подписью научного сотрудника комиссии М. Миско.

В интервью достаточно много внимания уделено еврейской теме: интересно высказывание Щербакова о мнении «народа» об уничтожении евреев: «народ питал надежду, что международное положение изменится, может быть, Англия и Америка заставят прекратить это жуткое уничтожение». Интересно и описание грабежа гетто после уничтожения евреев: «...все вещи грабились. Полиция продавала вещи за водку. И так вещи валялись, население подбирало. Из деревень привозили все и устраивали обмен: вещи меняли на продукты» [6].

2. Петр Евстафьевич Нахватюк (1886 г.р., украинец, б/п, учитель). Заведовал барановичским городским педкабинетом. В 1939 г. депутат Народного собрания Западной Белоруссии. К 1941 г. инспектор педкабинета пединститута и учитель математики в СШ.

Основное содержание этого интереснейшего интервью – становление системы образования при немцах. Положению евреев посвящено 2 абзаца: об объявлении в газете на белорусском языке, «что евреи и поляки не признаются народами, что закон не защищает людей этих национальностей. На суде они не имеют права брать защитника» [7].

3. Николай Ксенофонович Казачков – преподаватель русского языка и литературы (1894 г.р., русский, б/п). Слоним. В Слониме – с 21 июля 1942 г. Интервью содержит подробное описание (как случайного свидетеля) массовой отправки и расстрела евреев [8].

4. Владимир Филиппович Чернявский (1900 г.р., русский, б/п, директор драмтеатра в Барановичах). До марта 1941 г. работал в 1-м государственном драмтеатре в Минске, затем в областном драмтеатре. С 1942 г. работал при городской управе в канцелярии. Восточник. В.Ф. Чернявский сообщает о создании «гетто для восточников». Первую

зиму войны скрывался в Литве. Говорит, что в Литве «с первых дней было создано гетто для восточников. Восточников закрыли раньше, чем евреев». В интервью есть описание эпизодов убийства евреев, побегов евреев во время транспортировки на расстрел [10].

Наибольший интерес представляют интервью выживших евреев.

1. Самуил Семенович Янкелевич, 1905 г.р., еврей, б/п. На момент интервью – плановик Барановичского отделения военторга, с осени 1942 г. – в партизанской спецгруппе.

До войны (1939–1941 гг.) – плановик, заместитель начальника управления Барановичской облконторы Союзтуль. Интервью составляет 12 страниц машинописного текста. В 1941–1942 гг. С. Янкелевич был заместителем председателя Барановичского юденрата. Все интервью, за исключением описания «жизни в городе при оккупации», посвящено еврейской теме. Подробно описано положение еврейского населения, создание юденрата, гетто, погромы и акции уничтожения, организация подпольных групп и выход из гетто. Интересна оценка Янкевичем партизанского движения. По его словам, оно «...развивалось не благодаря городскому здешнему населению, а... из людей восточных организаций. Если б полагаться на здешнее население, то партизанское движение, по моему мнению, не пришло бы тех размеров, которые оно претерпело...».

В интервью чувствуется некий оправдательный уклон, желание показать деятельность юденрата как единственную возможность сделать что-либо для евреев [10].

2. Филипп Соломонович Филиппов (Гранатштейн). 1913 г.р., еврей, б/п, корреспондент областной редакции по Слонимскому кусту. Закончил филфак Варшавского университета. Еврейский писатель. В интервью имеется подробное описание временного лагеря в Слонимской синагоге (лето 1941 г.), где содержались поляки, русские, евреи (отдельно) и военнопленные. Филиппов описывает первую акцию уничтожения слонимских евреев (июль 1941 г.) и называет цифру расстрелянных – 1100 человек. Подробно описаны дискриминационные меры по отношению к евреям, создание и состав юденрата, проведение «золотой контрибуции», создание гетто, акции уничтожения. Респондент отмечает, что «...крестьяне много помогали. Евреи меняли на продукты мануфактуру, вещи...». Гранатштейн упоминает эпидемию тифа в гетто «...Нас жило 12 человек. Спали, кто на столе, кто под столом. Потом сделали нары. Когда войдешь в хату, нечем дышать. В связи с такой скученностью была даже эпидемия тифа. Была еврейская больница при самом гетто. Старались больных тифом держать в секрете, если бы немцы узнали, они бы этого человека забрали к себе в госпиталь, из которого

люди не возвращались. Поэтому держали в секрете и старались сами оказывать медицинскую помощь.

Санитарные условия были ужасные. Никто за чистотой не следил, затем теснота: собрали 15 000 на четырех улицах вдоль реки. Место они выбрали очень удачно для себя: река, никуда не убежишь. Если б они сделали в центре города, можно было на горы убежать...» [11].

3. Зелик Насонович Левенбук, 1909 г.р., врач, во время оккупации проживал в Барановичах. Практически все интервью посвящено еврейской теме. Левенбук подробно рассказал о первых акциях уничтожения еврейского населения летом 1941 г., уничтожении чехословацких евреев в 1942 г., о своем пребывании в Колдычевском лагере. Большой интерес представляет его свидетельство о движении сопротивления в Барановичском, Мирском и Клецком гетто. В интервью имеется подробное описание «схрона» в гетто: «...во всех гетто были устроены разные подвалы для того, чтобы схорониться во время погрома. Те, которые спрятались, спаслись. В последнее время строили более прочные убежища. У меня было лично такого рода убежище... Надо было ползти на животе. Там находился из кирпича сделанный фундамент четырехугольный. Из под фундамента мы провели большую трубу, которая прикрывалась. Дверцы из кирпича были. Оттуда сходили в другой подвал, который проходил под моим домом. У нас даже свет был устроен. Это убежище оказалось нехорошим, потому что воздуха было мало.

Туда пряталось 50–60 человек. Нужно было сделать продох. Некоторые делали в колодцах трубы, мы сделали прямо во двор, в кусты... Когда я это делал, говорил: все равно спрячемся, не спрячемся – нас убьют. Если мы это делаем для того, если им придется отсюда быстро отступать, тогда это нас спасет. Разные были комбинации. Это целая история, специальная технология» [12].

Изучение и публикация интервью, отложившихся в разделе «Оккупационный режим немецко-фашистских захватчиков» фонда Комиссии по истории Великой Отечественной войны архива Института Российской истории РАН, позволит ввести в научный оборот новые факты о Холокосте в Беларуси, более глубоко и полно рассмотреть жизнь белорусского города в период немецкой оккупации 1941–1944 гг.

1. Курносков, А. А. Воспоминания-интервью в фонде комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика собирания) / А. А. Курносков // Археографический ежегодник за 1973 год. – М., 1974.

2. Шумейко, М. Ф. Деятельность Комиссии по истории Отечественной войны при ЦК КП(б) Белоруссии. 1942–1946 гг. / М. Ф. Шумейко // Советские архивы. – 1985. – № 2. – С. 36–42.

3. «Эдмунд Баумвальд. Свидетель гибели львовских евреев» (публикации Ж. Ковбы) (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны при АН УССР); Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня август 1941 г.): док. и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. // Голокост і сучасність. Студії в Україні і світі. – 2005. – № 1. – С. 63–74.

4. «Когда слова кричат и плачут»: Дневники Ляли и Берты Брук. – Минск: Асобны дах, 2004. – 75 с.

5. Встали мы плечом к плечу... Евреи в партизанском движении Белоруссии. 1941–1944 гг. – Минск: Асобны дах, 2005. – 188 с.

6. Архив ИРИ РАН. – Ф. 2, разд. 6. Оп. 17. Д. 4а, 4б.

7. Архив ИРИ РАН. – Ф. 2, разд. 6. Оп. 17. Д. 11.

8. Архив ИРИ РАН. – Ф. 2, разд. 6. Оп. 17. Д. 10.

9. Архив ИРИ РАН. – Ф. 2, разд. 6. Оп. 17. Д. 14.

10. Архив ИРИ РАН. – Ф. 2, разд. 6. Оп. 17. Д. 3.

11. Архив ИРИ РАН. – Ф. 2, разд. 6. Оп. 17. Д. 17.

12. Архив ИРИ РАН. – Ф. 2, разд. 6. Оп. 17. Д. 13.

УДК 94(47+57)«1941/45»

**Т.М. МИЛАЧ**

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина

### **РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ О СОБЫТИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ГРОДНЕНСКИМ РАЙСПОЛКОМОМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Увековечение памяти о событиях Великой Отечественной войны сегодня является актуальным на постсоветском пространстве. Основная работа в этом направлении осуществляется под руководством облисполкомов, райисполкомов, горисполкомов всех областей Республики Беларусь. Одним из главных направлений деятельности отдела идеологической работы, культуры и по делам молодежи Гродненского райисполкома является работа по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн. Отдел руководит работой по поддержанию и надлежащем состоянии мест воинских захоронений и памятных знаков, находящихся на территории Гродненского района, государственной паспортизацией воинских захоронений периода Второй мировой войны, поисковой работой, которая ведется в соответствии с Государственной программой на 2015–2020 гг. по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 июня 2014 г. № 534.

Сегодня на территории Гродненского района находится 40 воинских захоронений периода Второй мировой войны. Всего на территории района захоронено 8 419 человек, из них известных – 4 069 человек и неизвестных – 4 350 человек. В районе установлено 27 памятных знаков, увековечивающих память защитников Отечества и жертв войн. За всеми воинскими захоронениями и памятными знаками закреплены шефствующие организации, которые проводят текущий ремонт и уборку прилегающей территории [1]. Постоянно ведется работа по уточнению списков погибших и захороненных на территории района.

В период с 2010 по 2011 гг. в районе работал поисковый отряд «Уралец» из г. Озерска Челябинской области. В результате поисковых работ было выявлено два новых захоронения периода Первой мировой войны (д. Заречанка и а.г. Ратичи). В 2011 г. на могиле солдат Русской императорской армии, погибших в годы Первой мировой войны, на кладбище в д. Заречанка был установлен новый памятник (28,5 млн руб.).

14 сентября 2012 г. состоялось перезахоронение останков семи солдат Русской имперской армии периода Первой мировой войны в братскую могилу на кладбище д. Заречанка и останков 15 красноармейцев периода Второй мировой войны в братскую могилу на кладбище г.п. Сопоткин. Останки солдат армии кайзеровской Германии переданы представительству общественного объединения «Народный союз Германии по уходу за военными могилами» в г. Минске. Перезахоронения и подзахоронения проводятся в соответствии с воинским ритуалом, определенным законодательством Республики Беларусь, в торжественной обстановке с участием общественности [2].

В районе ведется большая поисковая работа. Ежегодно на территории района работает 52-й специализированный поисковый батальон. В 2012 г. первым специализированным поисковым взводом 1-й специализированной поисковой роты войсковой части 28 443 отработано 8 объектов на территории Сопоткинского, Подлабенского и Скидельского сельсоветов. Обнаружены останки 62 солдат: 7 – останки солдат Русской имперской армии периода Первой мировой войны, 40 – останки солдат кайзеровской Германии периода Первой мировой войны, 15 – останки советских солдат периода Второй мировой войны [3].

В период с 2012 по 2014 г. на основании письма управления по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил Республики Беларусь к уточнению информации о погибших были привлечены родственники и материалы поисковой работы. Таким образом, были внесены изменения в паспорта захоронений в а.г. Озеры, Коптевка, Поречье и г.п. Сопоткин. В ходе работ с архивными документами установлено 16 новых фамилий земляков, погибших на фронтах Великой